

Кризис двухполюсных партийных систем в странах Западной Европы

Александр ОРЛОВ

Многопартийность как форма реализации демократии и идеологического плюрализма традиционно являлась и продолжает оставаться квинт-эссенцией либерально-капиталистической политической модели. Подобная теоретическая установка никогда не подвергалась серьёзному сомнению и воспринималась как нечто само собой разумеющееся. При этом необходимо подчеркнуть, что ничего предосудительного в многопартийности как таковой нет. Действительно, эта модель позволяет различным политическим силам презентовать общественности свой политический проект и по мере сил и возможностей добиваться его воплощения в жизнь.

Постулат – «по мере сил и возможностей» – как понимает читатель, отнюдь не случайный. Между понятием «право» на что-то и реализацией этого права пролегает огромная дистанция. Для того чтобы в полном объёме воспользоваться своим правом, нужно обладать целым сонмом возможностей, которые обычно сильно различаются у субъектов правоотношений. Эта маленькая философская прелюдия имеет прямое отношение к специфике политической борьбы в целом и конкуренции между политическими партиями в особенности.

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО(У), Почётный работник МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посланник. *E-mail:* al.or-2012@yandex.ru

Ключевые слова: многопартийность, двухполюсная модель, «левый – правый» центр, Германия, Испания, Италия, Франция, Великобритания, социал-демократы, христианские демократы, народники, лейбористы, консерваторы.

Итак, действительно ли многопартийность является панацеей от большинства социально-политических недугов современного капиталистического общества, и когда эта модель работает достаточно эффективно, естественно в интересах правящего класса, а когда начинает давать сбои?

На эти вопросы даёт ответы анализ опыта функционирования этой системы в период после окончания Второй мировой войны, когда в общих чертах сложилась современная партийная модель, в частности, в ведущих западноевропейских государствах. Хотя в столпах англосаксонского мира – Великобритании и США – такая модель имеет более продолжительную историю.

Упомянутый анализ показывает, что модель весьма эффективна тогда, когда в её основе лежит доминирование в политическом пространстве, как правило, двух системообразующих партий. Они более или менее регулярно меняют друг друга у кормила власти, что позволяет своевременно выпускать накапливающийся в обществе пар недовольства, не ставя под удар государственную систему в целом. Подобные системообразующие партии, в большинстве случаев правоцентристской и левоцентристской направленности, в современном капиталистическом обществе не существенно отличаются друг от друга по кардинальным вопросам политической и экономической повестки, но зачастую весьма агрессивны и непримиримы по второстепенным темам, дискуссии по которым порой и определяют смысл существования этих партий.

Крупные правоцентристские партии обычно называются либо

«народными», либо «христианско-демократическими». Левоцентристов представляют социал-демократы. Хотя в последние годы налицо тенденция к поиску новых, подчас довольно экзотичных названий партий, что, как представляется, только запутывает избирателя.

Западноевропейская двухпартийная модель не исключает существования помимо системообразующих других партий, которые, впрочем, на протяжении нескольких десятилетий не играли значительной роли в межпартийном раскладе и не оказывали кардинального влияния на формирование по итогам выборов властных структур. Правда, в отдельных случаях «третьи» партии, в основном центристские или близкие к ним, выступали в качестве ситуативных попутчиков или младших партнёров по коалиции с крупными партиями, когда тем требовалась поддержка для формирования правительства. Но обычно их запросы не были обременительными для старших партнёров, и подобная «межпартийная демократия» исправно работала в интересах двухпартийной модели.

Целью двухпартийной модели, в сущности, был недопуск во власть альтернативных системообразующих политических сил, которые с некоторых пор получили довольно обидное определение «популистские». Такая дефиниция предполагает их восприятие правящим политическим классом, и особенно той его частью, которую принято называть «элита», а также обслуживающими их интересы учёными, представителями СМИ, а позже и блогерами, находящимися в рамках либерального политико-идеологи-

ческого мейнстрима, как нечто поверхностное, конъюнктурное, временное, ориентированное на удовлетворение чрезмерно завышенных, а посему невыполнимых запросов общества. Невыполнимых, естественно, в представлении правящей двухпартийной элиты, отдельные представители которой могут не любить друг друга и даже враждовать между собой, но в то же время все вместе являются опорой системы, устоям которой могут, по их мнению, угрожать популисты.

При этом, как справедливо отмечают как российские, так и зарубежные исследователи, само понятие «популизм» должным образом не концептуализировано, и поэтому вокруг его интерпретации подчас возникают жаркие споры [1, 2].

Постараемся подтвердить предложенную картину примерами из политического опыта ряда ведущих стран Западной Европы, чьи демократические системы считаются образцовыми.

Начнём с **Федеративной Республики Германия**, в партийной системе которой в послевоенный период доминировали две партии – СДПГ (самая старая социал-демократическая партия в Европе) и консервативный Христианско-демократический союз (ХДС), выступавший в блоке с более правым, как принято

было считать, баварским Христианско-социальным союзом (ХСС).

В период с 1953 по 2002 г. СДПГ и ХДС/ХСС совместно собирали на выборах 70–90% голосов избирателей*, после чего победитель создавал стабильное правительство. В случае необходимости и консерваторы, и социал-демократы, как правило, прибегали к услугам весьма сговорчивой центристской Свободной демократической партии (СвДП), которую можно было привлечь к участию в коалиции в качестве младшего партнёра.

Близкая модель возникла в пост-франкистской **Испании**, где демократический политический формат начал складываться во второй половине 70-х годов прошлого века. Там также сформировалась двухполюсная система (в Испании ее называют *bipartidismo* [3]), в рамках которой преобладающее положение заняли левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и её более правый конкурент. В ходе первых двух общенациональных парламентских выборов эту роль выполнял Союз демократического центра (СДЦ), а после его развала в 1982 г. – консервативная Народная партия (НП).

Доминирование двух крупных партий в испанском политическом пространстве (вплоть до 2015 г. они собирали на двоих как минимум две

¹ Минаева А. В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 4.

² Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4.

³ Bipartidismo: un sistema en horas bajas // URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/junior-report/20190423/461818508054/bipartidismo-elecciones-generales-espana.html>

* Приводимые в настоящей статье подсчёты произведены автором на основе официальных данных.

трети голосов избирателей, а чаще – значительно больше) позволяло им получать стабильное большинство в нижней палате парламента (Конгрессе депутатов). Своеобразный рекорд был установлен в 2008 г., когда после очередных выборов представители социалистов и «народников» заняли в амфитеатре Конгресса депутатов 323 из 350 кресел.

В отдельных случаях (их было немного) победившей партии приходилось прибегать к содействию мелких партий для получения устойчивого большинства в нижней палате парламента, но без создания правящих коалиций. Поэтому коалиционная культура в Испании, по сути дела, так и не сложилась.

В **Италии** с послевоенных времён и вплоть до полного развала партийной системы и исчезновения с политической арены традиционных партий в результате антикоррупционных процессов (1992–1994 гг.) существовала несколько более сложная модель конкуренции между политическими формированиями, хотя сама суть системы, предполагавшая наличие двух полюсов силы – умеренно правого и левого, принципиально не отличалась от тех моделей, о которых говорилось выше.

Ключевым звеном правоцентристского кластера выступала Христианско-демократическая партия (ХДП), представители которой возглавляли итальянское правительство 45 раз в период с 1945 г. по май 1994 г. В остальных шести случаях главами кабинета министров были лидеры других партий, образовывав-

ших коалиции с ХДП. В 1981–1991 гг. Италией правила пятипартийная коалиция, получившая название «Пентапартито», но доминирующей силой в ней неизменно оставались христианские демократы.

На левом фланге итальянской политической системы в эти годы находилась Итальянская коммунистическая партия (ИКП), за которую стабильно голосовала треть электората, но которая, даже в период ее увлечения еврокоммунизмом, не допускалась к участию в формировании правительства. Суммарные показатели ХДП и ИКП на выборах в 1948–1987 гг. составляли порядка 60–70% голосов (лучший показатель – 73,08% в 1976 г., худший – 60,89% в 1987 г.), что позволяло итальянскому правящему классу «демократическими методами» обеспечивать видимость стабильности системы, которая, однако, вмиг развалилась подобно соломенному домику Ниф-Нифа из сказки «Три поросёнка» в результате коррупционно-политического торнадо [4].

Во **Франции** после образования Пятой республики на правом фланге политического спектра достаточно долго доминировала влиятельная голлистская партия, которая периодически корректировала своё название (с 2015 г. – «Республиканцы»), что, впрочем, не изменяло её сути. Это была классическая правоцентристская партия, являвшаяся одной из опор двухполюсной партийной модели.

На левом фланге на протяжении нескольких десятилетий шла борьба

⁴ Орлов А. А., Орлова Е. В. Право и политика: актуальные тенденции политической борьбы в зарубежных государствах. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2018.

за лидерство между Французской коммунистической (ФКП) и социалистической (СП) партиями, причём вплоть до начала 70-х годов прошлого века ФКП опережала в рейтинге популярности социалистов. Однако в дальнейшем французские коммунисты, так же как их итальянские и испанские коллеги, занявшиеся поисками «коммунистического обновления» через идеи еврокоммунизма [5], начали резко терять свои лидирующие позиции, фактически став на определённом этапе вспомогательной силой СП, что позволило социалисту Франсуа Миттерану дважды быть избранным президентом Франции.

В начале 2000-х годов голлисты и социалисты сохраняли доминирующие позиции во французской политике, собирая на парламентских выборах совместно 60–80% голосов избирателей (меньше в первом туре, больше – во втором). Однако в 2017 г. традиционный для Франции статус-кво развалился буквально в одночасье.

Партийная система **Великобритании** – наиболее консервативная из всех западноевропейских государств. Традиционно социал-демократическая Лейбористская и правоцентристская Консервативная партии контролировали там противоположные сектора политического пространства.

В период с 1945 по 1970 г. эти две партии суммарно получали на выборах львиную долю голосов избирателей: минимально – 87,5% (1965 г.), максимально – 96,8% (1951 г.). В последующий период этот показатель

несколько снизился, но сама тенденция доминирования в политической жизни страны лейбористов и консерваторов не изменилась. С 1974 по 2001 г. две главные партии на пару получали от 72,4% голосов (худший показатель в 2001 г.) до 80,8% (лучший – в 1979 г.). Кризисными в этом плане были для лейбористов и консерваторов выборы в период с 2005 по 2015 г., когда они совместно не собрали даже 70% голосов (от 65,1% – в 2010 г. до 67,6% – в 2005 г.). Но на двух последних выборах их показатели вновь подросли: 82,3% – в 2017 г. и 75,8% – в 2019 г.

С конца XX в. относительно стабильные партийные системы пяти ведущих европейских стран вступили в период турбулентности, причём этот процесс существенно обострился в наступившем веке. В каждой из упомянутых стран формирование новых партийных моделей, что вполне естественно, протекало с учётом национальных традиций и особенностей местного политического ландшафта. Но общей для всех них чертой можно считать размывание классической двухполюсной модели и её замену на многокомпонентную систему, когда реальными (а не декоративными) участниками формирования правительственных структур становится большее количество партий или коалиций различной политической направленности.

Этот процесс развивается не линейно, а волнообразно – с приливами и отливами. Какой-то устойчивой тенденции стабильного роста попу-

⁵ Попов Л. Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008.

лярности той или иной новой политической силы пока не наблюдается. Но одновременно фактом является то, что эти новые силы, как правило в результате произошедшего на определённом этапе скачка популярности, более или менее твёрдо закрепились на политической авансцене своих стран. В результате прежний стандарт управляемости западной политической системы, предполагавший «демократическую вариативность» в диапазоне «левый – правый центр», начинает давать сбои, а кое-где уже и не работает. Образно говоря, старым дирижёрам политических оркестров необходимо теперь включать в свои творческие коллективы новых исполнителей, с которыми зачастую бывает трудно договориться о едином видении партитуры.

Весьма лаконично представим читателю современные варианты партийных моделей ведущих западноевропейских государств.

Начнём с **Германии и Испании**. Основные политические партии в обоих государствах имеют прямые аналогии в партийных системах друг друга.

СДПГ имеет двойника в лице Испанской социалистической рабочей партии, ХДС/ХСС – Народной партии, Левая партия – «Подemos», СвДП – «Сьюдаданос», «Альтернатива» – «Вокс».

Есть, разумеется, и определённые отличия. В частности, в Испании «зелёные» пока не сформировались в отдельную политическую силу и действуют в составе левых коалиций. В Германии же нет региональных националистических партий, которые можно было бы сравнить по степени влияния на политические процессы с каталонскими и баскскими националистами. Но в

целом – налицо поразительное сходство германской и испанской партийных моделей.

На состоявшихся в сентябре 2021 г. парламентских выборах в ФРГ две основные политические силы страны – СДПГ и ХДС/ХСС – получили вместе порядка 50% голосов избирателей (25,7 и 24,1% соответственно), что также полностью соответствует преобладающему в Испании тренду.

В обеих странах в условиях существования многопартийных парламентов, где положение доминирующих партий существенно ослабло, формирование прочных и стабильных правительств на коалиционной основе является задачей насущной, но весьма непростой.

По итогам последних парламентских выборов в Германии впервые в современной истории возникла трёхцветная коалиция в составе СДПГ, «Зелёных» и СвДП, сильно напоминающая героев известной басни И. Крылова о лебеде, раке и щуке, один из которых «рвётся в облака», другой – «пятится назад», а третья – «тянет в воду». Трудно сегодня сказать, чем в конечном итоге закончится это сотрудничество, но ясно, что постоянное перетягивание каната между «коалиционерами» не сулит ничего хорошего Германии в трудные для неё времена.

В **Испании** хрупкий баланс между левыми и правыми также готов в любой момент разрушиться, что приведёт к серьёзному правительственному кризису. Ни ИСРП, ни Народная партия уже не в состоянии в современных условиях самостоятельно сформировать стабильное правительство. Их суммарные электоральные возможности ныне

«заморозились» в районе 50% [6, 7], а предпосылок для образования прочных коалиций также явно недостаточно. Первый в истории постфранкистской Испании коалиционный опыт – нынешнее левое правительство ИСРП/«Унидас-Подемос» – постоянно подвергается проверке на прочность, в том числе из-за возникающих внутри коалиции разногласий, причём ни один серьёзный аналитик не сможет с уверенностью предсказать, сумеет ли кабинет дотянуть до конца легислатуры, как надеется премьер-министр Педро Санчес, или будет вынужден уйти в отставку раньше времени.

В **Италии** после развала прежней модели на политическую арену выдвинулись новые партии с нетрадиционными названиями и идеологически нечёткими платформами, которые и составили нынешнюю партийную систему страны.

Правый фланг оседлали партии и коалиции (их названия менялись от выборов к выборам, в том числе «Вперёд, Италия», «Полюс свобод», «Дом свобод», «Народ Италии», «Лига севера»), «крёстным отцом» и идейным вдохновителем которых был и, по сути дела, остаётся до сих пор Сильвио Берлускони.

Позиции левого центра заняла Демократическая партия, объединившая представителей эволюционировавшего до социал-демократии оппортунистического крыла ИКП и других умеренно-левых группировок.

В промежутке между правыми и Демпартией обосновалось «Движение пяти звёзд», возникшее как протестное движение против традиционной системы, по поводу идеологического наполнения которого (если оно в принципе существует) дискуссии ведутся до сих пор.

Поиск комбинации между указанными тремя главными фигурами на шахматной доске итальянской политики при возможном незначительном участии мелких партий и коалиций будут определять нестабильные реалии страны на Апеннинах в обозримом будущем.

Ошеломляющее фиаско на президентских выборах во **Франции** в 2017 г. кандидатов от консерваторов и социалистов, убедительная победа на них малоизвестного в ту пору центриста Эммануэля Макрона, вышедшего из Социалистической партии и создавшего в канун выборов свою партию «Вперёд, Республика!», и выдвижение на позиции второй политической силы крайне правого Национального объединения Марин Ле Пен ознаменовали собой возникновение во Франции новой партийной модели. Её доминантами стали центристы и радикальные правые при существенном ослаблении прежнего праволевоцентристского тандема «голлисты – социалисты».

Прошедший 10 апреля 2022 г. первый тур новых президентских выборов полностью подтвердил эту тенденцию: Макрон и Ле Пен полу-

⁶ Орлов А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022, № 2.

⁷ El PP recupera con Feijóo tras la crisis y ganaría hoy las elecciones // URL: https://www.abc.es/espana/abci-pp-recupera-feijoo-tras-crisis-y-ganaria-elecciones-202204082325_noticia.html

чили в сумме 51% голосов (27,6 и 23,4% соответственно), а выдвиженки республиканцев и социалистов (Пекресс и Идальго) – унизительные 4,8 и 1,74%. В этом смысле процессы во Франции по своей неоднозначной, во многом деструктивной логике напоминают ситуацию, сложившуюся за пару десятилетий до этого в соседней Италии. Правда, в отличие от Италии традиционные партии во Франции всё же окончательно не исчезли с партийной карты, и их возрождение при благоприятных для них обстоятельствах возможно, хотя и необязательно в будущем.

Появление новых игроков не обошло стороной и политический ландшафт **Великобритании**, хотя здесь этот процесс не приобрёл такой остроты, как в континентальной Европе.

Созданная в 1988 г. Партия либеральных демократов (за счёт слияния Либеральной и Социал-демократической партий), которую условно можно отнести к центристам, несмотря на относительно успешные для неё результаты выборов в период с 1992 по 2010 г. (партия собирала в эти годы порядка 20% голосов изби-

рателей и в 2010 г. впервые в послевоенной истории Великобритании вошла в правительственную коалицию с Консервативной партией), тем не менее не сумела удержать завоеванных позиций и представлена в нынешнем составе палаты общин скромными 11 депутатами.

На позицию третьей силы в последние годы выдвинулась Шотландская национальная партия, имеющая в нижней палате британского парламента заметную фракцию в составе 48 своих представителей. Эта партия выступает за независимость Шотландии, является крупнейшей в местном парламенте и по своей программе напоминает националистические каталонские и баскские политические партии в Испании. Тем не менее шотландские националисты, в отличие от Испании, не способны на данном этапе влиять на общебританский расклад политических сил, что позволяет сделать вывод о том, что, будучи самой возрастной в Европе, «островная» партийная система по-прежнему остаётся и наиболее стабильной в западной части Старого Света.

Выводы и прогнозы:

1. В большинстве ведущих западноевропейских стран, исторически определяющих тенденции идейно-политического развития Старого континента, происходит изменение сложившейся в послевоенный период партийной модели, основанной на доминировании, как правило, двух крупных политических партий, контролировавших левый и правый сектора политического спектра. Такая модель позволяла исключить из активного политического процесса представителей крайних течений на обоих политических флангах и свести к минимуму влияние чисто центристских партий.

Коммунистические партии, завоевавшие после Второй мировой войны прочные позиции в ряде западноевропейских государств, постепенно утратили своё политическое влияние и либо влились в более широкие левые коалиции, либо, сохранив свои названия, оказались в стороне от основных политических процессов.

Изменение двухполюсной модели проходило (и продолжает происходить) по-разному.

В Германии и Испании – поэтапно, преимущественно эволюционным путём, хотя и с неизбежными всплесками.

В Италии и во Франции такие перемены развивались по историческим меркам стремительно.

На данном этапе только в Великобритании, не предрасположенной к политическим инновациям, традиционная политическая модель с доминированием двух системообразующих партий – Консервативной и Лейбористской – в общем и целом сохраняет свой изначальный вид, хотя и она вынуждена реагировать на веяния времени.

2. В Европе налицо заметная поляризация политических сил. Значительная часть электората (порядка 50%) голосует в настоящее время за альтернативные традиционным партии.

К таким «новым силам» отнесём:

– *крайне правые партии* (Национальное объединение – во Франции, «Альтернативу» – в Германии, «Вокс» – в Испании);

– *левых* (левее социал-демократов: Левая партия – в Германии, «Подemos» – в Испании, «Непокорённая Франция» – в Пятой республике);

– *«Зелёных»* – в Германии;

– *откровенных популистов* («Движение пяти звёзд») – в Италии.

Некоторые из указанных «новых» уже активно участвуют в формировании правительств своих стран («Зелёные» – в Германии, «Движение пяти звёзд» – в Италии, «Подemos» – в Испании). Пока за рамками политического процесса остаются крайние консерваторы, которых их оппоненты награждают нелицеприятными ярлыками (ксенофобы, националисты/шовинисты и даже фашисты), но которые при определённых условиях вполне могут в перспективе войти в правительственные коалиции (ближе всего к этому, пожалуй, находится партия «Вокс» в Испании, без услуг которой правая Народная партия вряд ли способна прийти к власти).

Одновременно продолжают терять свои позиции чисто центристские либеральные партии, которых в Европе осталось немного.

3. Является ли появление и укрепление новых реалий в межпартийном «кроссворде» проявлением кризиса либерально-капиталистической модели в целом? Этот вопрос занимает сегодня умы многих современных политологов. На наш взгляд, ответ будет утвердительным.

Указанный кризис с ускорениями и замедлениями развивается по многим направлениям и затрагивает в том числе партийные системы ведущих западноевропейских стран. Ясно, что этап доминирования прежней удобной для властной элиты биполярной партийной модели в относительно узком диапазоне «правый – левый» центр завершается. На смену приходит многокомпонентная модель, в рамках которой будут усиливаться позиции альтернативных политических сил, прежде всего на флангах, которые больше не желают быть статистами в больших политических играх. При этом совершенно очевидно, что потребность в постоянном поиске компромиссов между различными политическими силами не добавит устойчивости системе,

которая призвана будет доказывать свою жизнеспособность в гораздо менее комфортных условиях, чем прежде.

Вероятно, могут подвергнуться ревизии некоторые устоявшиеся и ещё недавно казавшиеся незыблемыми воззрения и постулаты, давшие в своё время основание философу Фукуяме утверждать, что либеральная демократия является наилучшим решением человеческой проблемы [8, 9] и, по сути, концом политической истории.

Библиография • References

- Вайнштейн Г. И. Современный популизм как объект политического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.
- [Vajnshtejn G. I. Sovremennyy populizm kak ob'ekt politicheskogo analiza // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 4. S. 69–89]
- Минаева А. В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 4. С. 123–132.
- [Minaeva A. V. Rossijskij populizm: politicheskaya real'nost' ili perspektiva? // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2017. № 4. S. 123–132]
- Орлов А. А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. 2022, № 2. С. 117–131.
- [Orlov A. A. Tendencii evolyucii partijnoj sistemy Ispanii v postfrankistskij period // Sovremennaya Evropa. 2022, № 2. S. 117–131]
- Орлов А. А., Орлова Е. В. Право и политика: актуальные тенденции политической борьбы в зарубежных государствах. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2018. – 234 с.
- [Orlov A. A., Orlova E. V. Pravo i politika: aktual'nye tendencii politicheskoy bor'by v zarubezhnyh gosudarstvah. M.: IMI MGIMO MID Rossii, 2018. – 234 s.]
- Попов Л. Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008. – 156 с.
- [Popov L. B. Vospominaniya o evrokommunizme. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2008. – 156 s.]
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- [Fukuyama F. Konec istorii? // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S. 84–118]
- Bipartidismo: un sistema en horas bajas // URL: <https://www.lavanguardia.com/vida/junior-report/20190423/461818508054/bipartidismo-elecciones-generales-espana.html>
- El PP recupera con Feijóo tras la crisis y ganaría hoy las elecciones // URL: https://www.abc.es/espana/abci-pp-recupera-feijoo-tras-crisis-y-ganaria-elecciones-202204082325_noticia.html
- Lieven A. The Two Fukuyama s// National Interest. 2006. № 84. P. 123–130.

Статья поступила в редакцию 11 апреля 2022 г.

⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

⁹ Lieven A. The Two Fukuyama s// National Interest. 2006. № 84.